

Мюнхенде қабылданған шешім жаһандық қақтығысты болдырмау әрекеті ретінде қарастырылғанымен, көп ұзамай барлық уәделерін бұзып, екінші дүниежүзілік соғысты бастаған Гитлердің одан әрі әрекеттерінің катализаторы болды. Мюнхен агрессорға жеңілдіктер негізінде жасалған бейбіт келісімдер соғыстың алдын алып қана қоймай, оның басталуына қалай ықпал ететіндігінің символына айналды.

Әдебиеттер тізімі

- 1 Paul Burik Cleveland agreement of 1915. <https://case.edu/ech/articles/c/cleveland-agreement-1915> (02.04.2025)
- 2 Justýna Piskačová (2024), Mnichovská dohoda: Poslední ústupek Hitlerovi, který zničil Československo. // <https://www.seznamzpravy.cz/clanek/magazin-historie-mnichovska-dohoda-259912> (05.03.2025)
- 3 Патрушев, А.И. Германия в XX веке: учеб. Пособие / А. И. Патрушев. М.: Дрофа, 2004. – 432 с.
- 4 Extract from file of memoranda, messages, meetings, and orders on the occupation of Czechoslovakia (1938), showing the role of SS units. // <https://nuremberg.law.harvard.edu/documents/451405-extract-from-file-of-memoranda?mode=image> (09.03.2025)
- 5 Strahinja Bučan (2018), Mit Hitler im Rücken brachten die Sudetendeutschen 1938 den Nationalitätenkonflikt in der Tschechoslowakei zu einem Höhepunkt. Es war nicht nur der Prolog zum Münchner Diktat, sondern wie sich später zeigte insgesamt zu einer der größten Katastrophen des 20. Jahrhunderts. // <https://deutsch.radio.cz/prolog-aufbaeumen-der-sudetendeutschen-8149848>
- 6 Christoph Studt, Münchener Abkommen, 1938, publiziert am 21.10.2022; in: Historisches Lexikon Bayerns, URL: https://www.historisches-lexikon-bayerns.de/Lexikon/M%C3%BCnchener_Abkommen,_1938 (01.04.2025)
- 7 Договор о взаимной помощи между союзом советских социалистических республик и республикой чехословацкой // https://www.1000dokumente.de/Dokumente/Sowjetisch-tschechoslowakischer_Beistandsvertrag?setlang=ru (7.03.2025)
- 8 The british policy of appeasement toward hitler and nazi germany. // <https://encyclopedia.ushmm.org/content/en/article/neville-chamberlain> (04.03.2025)

ФАШИСТСКОЕ ПРАВЛЕНИЕ В ИТАЛИИ: МАСШТАБЫ И ЖЕРТВЫ ПОЛИТИЧЕСКИХ РЕПРЕССИЙ

Сағынтай Д.Ж., студент группы МО-22-2р

Научный руководитель: к.и.н., ассоциированный профессор Досова Б.А.

Карагандинский университет имени Е.А. Букетова

Караганда, Казахстан

dossag17@gmail.com

Фашизм в Италии, установленный Бенито Муссолини в 1922 году после марша на Рим обернулся фундаментом авторитарного государства, стремящегося только к тотальному контролю над политической, социальной, культурной и экономической жизнью. Произошло по причине глубокого разочарования итальянцев в либеральной демократии, обман после Версальского мирного договора, экономической смуты и страха перед коммунизмом после Октябрьской революции [1; 2, с. 19-22]. Режим сулил порядок, величие и возрождение «римской славы», опираясь к национализму и милитаризму. Невзирая на отсутствие системных репрессий в первые годы, уже с середины 1920-х годов фашизм получил ярко выраженный насильственный и тоталитарный характер.

С одной стороны, итальянский фашизм в основном воспринимается как «мягкий авторитаризм» в сравнении с нацизмом или сталинизмом, оно имело свою особенность:

симбиоз харизматического вождизма, милитаризации общества, беспощадной пропаганды и карательных институтов гарантировало глубокое проникновение режима в частную и общественную жизнь [3, с. 61-65]. Этот «тоталитаризм с человеческой маской» был воображаемым: за кажущейся сдержанностью прятались пытки, ссылки, массовое подавление и институциональное насилие.

Политические репрессии в Италии широко распространялись в спектрах: от самоличных актов насилия и убийств оппозиционеров до систематического подавления свободы слова, внедрение цензуры, роспуска политических партий, изгнания и тюремного заключения врагов режима. Уже в 1925 году был принят Закон о печати, фактически погубивший свободу прессы. В 1926 году парламент принял так называемые «фашистские законы» (*Leggi Fascistissime*), воздвигавшие запреты на все оппозиционные партии и профсоюзы, узаконившие ссылку без суда, расширившие полномочия полиции и создавшие Специальный трибунал по защите государства (*Tribunale Speciale per la Difesa dello Stato*) [2, с. 243-246; 1]. Главенствующую роль в этом механизме контроля играли Добровольная милиция национальной безопасности (*Milizia Volontaria per la Sicurezza Nazionale*) и тайная полиция OVRA (*Organizzazione per la Vigilanza e la Repressione dell'Antifascismo*), спроектированная в 1927 году по образцу советского ГПУ и германского политического сыска [2, с. 248-249; 1].

Знаковым примером репрессий стало убийство Джакомо Маттеотти депутата социалистической партии, который открыто обвинил фашистов в фальсификации выборов 1924 года. В своём последнем выступлении в парламенте он сказал: «Вы победили не благодаря избирателям, а вопреки им». Через десять дней после этого он был похищен и убит боевиками из ближайшего окружения Муссолини, связанными с OVRA [4, с. 117-119]. Это вызвало широкий общественный резонанс и спровоцировало Авентинскую забастовку и массовый бойкот парламента оппозиционными партиями, которые стремились морально делегитимировать фашистскую власть.

Вместе с этим ни общественное возмущение, ни протесты не смогли как-то видоизменить позиции Муссолини. В январе 1925 года он выступил с речью, в которой взял на себя «политическую, моральную и историческую» ответственность за ситуацию в стране. Это стало точкой невозврата, парламент перестал быть политическим органом, а Италия вошла в эпоху самовольной диктатуры конкретного одного человека [3, с. 66-67; 1].

Это деяния шокировало современников. Либеральный журналист Луиджи Альбертини писал: «Маттеотти был убит не из мести, а как преграда. Теперь никто не сможет говорить, не думая о собственной безопасности». В мемуарах Эмилио Луссо, одного из основателей *Giustizia e Libertà*, убийство Маттеотти был символом того что «страх вошёл в кровь общества». В литературе трагедия нашла отблеск в таких произведениях, как роман Иняцио Силандео «Господин Чезаре», где образ социалиста, преследуемого OVRA, стал иноречией мученичества и сопротивления. Сам Силандео был обязан не по своей воле покинуть страну и писал: «На родине слово стало преступлением, мысль – изменой» [4, с. 122-124].

Появление OVRA было явлением того что в крайнем степени увеличился режимный контроль. Организация была по сути было соединением политического сыска и разведки, обладавшей широкими полномочиями на территории всей Италии. Она насчитывала до 50 000 агентов, официальных и негласных, действовавших как в крупных центрах, так и в сельских коммунах [2, с. 246; 3, с. 128; 1]. Методы OVRA были схожи с практикой гестапо и НКВД: прослушка, слежка, массовые доносы, аресты без суда, вербовка агентуры, провокации, а также психологическое давление. В отличие от более открытых форм нарушений прав и свободы в СССР или Третьем рейхе, OVRA действовала тоньше, выстраивая «нормальность» через атмосферу паранойи и слежки [5, с. 105-106]. Её деятельность простилась в крупных городах, так и в отдалённые провинции. В Южной Италии, в частности в Калабрии и Базиликате, OVRA и карабинеры проводили массовые обыски, аресты и высылки среди местных крестьян, заподозренных в симпатиях к

социалистам. В Сардинии были эпизоды, когда именно целые деревни подвергались наблюдению, а отдельные жители в изоляции или депортации на острова Понца и Липари. В провинции Венето в 1930-х годах активно преследовались католические активисты и члены независимых профсоюзов, а в Эмилии-Романье фашисты устраивали показательные аресты лидеров фермерских кооперативов, обвиняемых в оппозиционных взглядах [3, с. 132-135; 1].

В результате, репрессии носили не только централизованный, но и вездесущий характер, проникая в повседневную жизнь глубинки. С 1926 по 1943 год OVRA арестовала около 100 000 человек, из которых 13 000 были осуждены Специальными трибуналами. При этом около 2 000–3 000 были лишены жизни и/или расстреляны при «сопротивлении аресту», погибли в заключении или были убиты тайно [3, с. 137; 1].

Карательные меры применялись в тюрьмах на островах Липари, Понца и Вентотене, где держали наиболее известных антифашистов, в том числе Альтьеро Спинелли, автора знаменитого «Манифеста из Вентотене» (1941).

Методы подавления колебались от банального запугивания до физического насилия. Применение касторового масла как способа публичного унижения было обычным делом: противников режима заставляли пить его до мучительных спазмов и диарей, превращая процедуру в символ политического доминирования [2, с. 247; 3, с. 129]. Эти унижения стали знакомыми каждому: они не убивали, но ломали волю и покоряли через страх.

Историк Ренцо Де Феличе обозначал, что «итальянский фашизм не нуждался в массовом терроре, достаточно было продемонстрировать, что государство видит и знает все» [5, с. 108]. Аналогичный «паноптический» эффект обеспечивался не только полицией, но и системой информаторов и добровольных доносчиков.

Репрессии подкреплялось созданием квазирелигиозной идеологии. Как показал Эмилио Джентиле, фашизм стремился не просто контролировать тела, оно хотело завладеть душами. Образ дуче сакрализировался, партийные ритуалы напоминали литургии, а массовые манифестации играли роль политических тайных исповедей [6, с. 27-31]. Государственная пропаганда применяла школы, кино, радио и даже архитектуру как приборы формирования «нового итальянца», безоговорочного преданного государству.

Антисемитизм в итальянском фашизме не был первоочередной доктриной. Однако с 1936 года, в ходе сближения с нацистской Германией, оно стало частью государственной политики. Расовые законы 1938 года стали камнем преткновения институциональному антисемитизму: евреи были изгнаны из школ, университетов, армии, утратили возможность иметь имущество, заключать браки с неевреями [7, с. 213-215; 1]. Эти строгие меры побуждали не только глубокие отпечатки, но и массовую эмиграцию. После 1943 года и оккупации Северной Италии нацистами, начались аресты и депортации. Примерно 8 000 итальянских евреев были отправлены в лагеря смерти, в том числе в Аушвиц. Большинство не вернулось [7, с. 217-219].

Репрессиям подвергались также профсоюзы, католические организации, студенты, даже фашисты-«диссиденты». Уроком служит история Чезаре Мори как «железного префекта», который по приказу Муссолини сопротивлялся с мафией на Сицилии, но был отстранён, когда его действия начали касаться интересов провластных кланов [2, с. 533; 1]. Это показало, что фашизм не борется с преступностью как таковой, а лишь с теми её выражениями, которые не поддаются контролю.

Несмотря на то, что в мирное время было официально приведено в исполнение лишь девять смертных приговоров, постоянная угроза ареста, увольнения, ссылки или изоляции создавала атмосферу тотального контроля [3, с. 130; 1]. По выражению философа Норберто Боббио, «это была диктатура молчания, где опасно было не только говорить, но и думать».

После 1943 года, когда Муссолини свергли и была создана Итальянская социальная республика (ИСР) на севере страны при поддержке нацистской Германии, характер репрессий стал ещё более жестоким. OVRA была реорганизована, а борьбу с партизанами вели как фашистские, так и немецкие формирования, включая Чёрную бригаду (Brigate Nere) и СС. Аресты, пытки, внесудебные казни стали повседневной практикой. Только в Пьемонте

и Ломбардии были расстреляны тысячи подозреваемых в связях с движением Сопротивления. Весьма известной трагедией стал расстрел 335 заложников в Ардеатинских пещерах в марте 1944 года. К тому же, усилилась депортация евреев в Освенцим и другие лагеря смерти, было отправлено около 8 000 итальянских евреев, из которых выжили лишь единицы [7, с. 217-219; 1].

После падения ИСР в 1945 году начался период народных репрессий против коллаборационистов: около 10 000 человек были убиты или подвергнуты линчеванию по подозрению в службе фашистскому режиму. Эти события оставили глубокие обиды в итальянском обществе и породили долгие десятилетия молчания и переосмысления собственной истории.

Во внешней политике Муссолини также применял репрессии. Завоевание Эфиопии в 1935–1936 годах сопровождалось массовыми расправами, задействование химического оружия (иприта) и бомбардировками госпиталей. В Югославии и Греции, оккупированных во время Второй мировой войны, фашистские войска проводили карательные операции, в ходе которых погибали тысячи мирных жителей [2, с. 533; 3, с. 131]. По оценке Ричарда Босворта, только в Эфиопии жертвами фашистской оккупации стали около 300 000 человек [2, с. 534].

Фашистский режим желал установить полный контроль над культурной жизнью. Уже в 1925 году был создан Национальный институт фашистской культуры (Istituto Nazionale di Cultura Fascista), который согласовывал всю интеллектуальную деятельность в стране. Книги, театральные постановки, фильмы и даже архитектурные проекты подвергались строгой цензуре.

Издания, авторы и художники, заподозренные в неверности, попадали в черные списки. Книги многих мыслителей и писателей от Антонио Грамши до Бенедетто Кроче запрещались или изымались из библиотек. Некоторым приходилось писать под псевдонимами, другие эмигрировали [6, с. 27-32; 2, с. 512-515].

Государство динамично организовало так называемое «официальное фашистское искусство» направленное на прославление дуче, идеализация войны, мужественности и «римского величия» Италии. Скульптура, живопись и архитектура использовалась для утверждения образа фашистского «нового человека» – дисциплинированного, преданного государству, а не индивидуалистичного [6, с. 39-42; 2, с. 510-512]. Как пример – это архитектура стиля «новый классицизм», представленного зданиями в EUR (район Рима), где торжественность и монументальность благословлял силу режима. Даже кино, благодаря контролю над студией Cinecittà, превратилось в инструмент националистической пропаганды [2, с. 503-504].

Многие деятели культуры подверглись преследованиям. Карло Леви, автор знаменитого антифашистского романа «Христос остановился в Эболи» (Cristo si è fermato a Eboli, 1945), был сослан в Луканию за политическую активность. Антонио Грамши, философ и основатель Итальянской коммунистической партии, провёл более 10 лет в тюрьме, где написал «Тюремные тетради» — одно из важнейших философских произведений XX века [4, с. 62-65; 6, с. 27-28].

Многие литераторы, включая Альберто Моравиа, Иняцио Силандео и Эльзу Моранте, писали и публиковались в атмосфере страха, что формировало характерный для 1930-х и 1940-х годов стиль эзопов язык, аллюзии, символизм, психологическая интроверсия [3, с. 158-159].

Сотни интеллектуалов, художников, писателей и учёных были вынуждены эмигрировать. Среди них философ Гаэтано Сальвемини, математик Вито Вольтерра, писатели Луиджи Пиранделло (который, правда, сохранял сложные отношения с режимом), Джузеппе Антонио Боргезе, Ильдебрандо Пицетти и другие [2, с. 508-510; 2, с. 162; 1]. Это вызвало эффект «утечки умов», что ослабило интеллектуальный потенциал Италии в межвоенный период и сделало итальянскую культуру всё более замкнутой и провинциальной по сравнению с модернистскими течениями в других странах [3, с. 165; 4].

После падения режима в 1943-1945 годах в Италии стартовал мощный культурный подъём, реакция на годы подавления. Крайне влиятельным стал неореализм в литературных и кинематографических направлениях, ставшее формой морального осмысления фашизма и войны [3, с. 171-173; 6, с. 95-97].

Фильмы Роберто Росселлини (Рим — открытый город, Германия — год нулевой), Витторио Де Сика (Похитители велосипедов), повести и романы Чезаре Павезе, Пьера Паоло Пазолини, Примо Леви являлись не только выражением скорби, но и попыткой вернуть правду в общественное сознание [2, с. 540-543; 3, с. 175-177].

Таким образом, безусловно, что фашистское правление в Италии привело к масштабным политическим репрессиям гражданского населения, среди которых были известные представители политических, культурных, профсоюзных и общественных кругов страны.

Список литературы

- 1 Манн М. Фашисты: социология фашистских движений / пер. с англ. Н. Алексеевой и др. – М.: Пятый Рим; Историческая память, 2019. – 588 с.
- 2 Bosworth R.J.B. Mussolini's Italy: Life Under the Fascist Dictatorship, 1915–1945. – London: Penguin Books, 2006. – 736 с.
- 3 Corner P. The Fascist Party and Popular Opinion in Mussolini's Italy. – Oxford: Oxford University Press, 2012. – 288 с.
- 4 Levi C. Cristo si è fermato a Eboli. – Torino: Einaudi, 1945. – 219 с.
- 5 De Felice R. Mussolini il duce: Gli anni del consenso, 1929–1936. – Torino: Einaudi, 1974. – 848 с.
- 6 Gentile E. The Sacralization of Politics in Fascist Italy. – Cambridge (MA): Harvard University Press, 1996. – 236 с.
- 7 Sarfatti M. The Jews in Mussolini's Italy: From Equality to Persecution. – Madison: University of Wisconsin Press, 2006. – 400 с.

ПО ВОСПОМИНАНИЯМ ПОЛКОВНИКА А.М. ЧЕРНОВСКОГО: ФРОНТОВАЯ ЖЕНСКАЯ ПОВСЕДНЕВНОСТЬ

Сактаганова З.Г., д.и.н., профессор
Карагандинский университет имени Е.А. Букетова
Караганда, Казахстан
zauresh63@mail.ru

Во время работы над научным проектом «Великая Отечественная война и женщины Казахстана на фронтах и в тылу: женские истории и повседневность» в рамках гранта МОН РК, объектом нашего исследования стала женщина военных лет с ее каждодневными проблемами военного времени, героизмом и отчаянием, с ее самопожертвованием во имя Победы. И в рамках реализации проекта автору данной статьи удалось поработать в НА ИРИ РАН с материалами военных стенограмм Комиссии по истории Великой Отечественной войны. В январе 1942 г. при Академии наук СССР была создана Комиссия по истории Великой Отечественной войны (Данная комиссия более известна как комиссия И.И. Минца). Деятельность этой Комиссии была направлена на сбор документов о войне [1]. В данной статье поставлена задача отразить женскую фронтовую повседневность на материалах интервью с мужчинами, проследить трансформацию мужского видения женщины-воина с ее силой и слабостью, проблемами и подвигом, военной службой и преодолением фронтовых тягот. Основным материалом для статьи послужили фрагменты стенограмм бесед с фронтовиками, в частности, с полковником А.М. Черновским. Стенограмма беседы с